

«В каждой кроне – дыханье родни»

Вышла в свет третья книжка стихов Д.П. Клестова

Д.П. Клестова хорошо знают в нашем районе – и сельском, и муниципальном, поэтому выход в Кемерове, в издательстве «Сибирский писатель» третьей книжки его стихов – приятное событие для всех любителей поэзии. Если выпуск первой книжки занял не один год, то вторая пошла легче, а третью – «Иродов лог» – удалось издать всего за несколько месяцев. Кстати, решается вопрос о принятии Дмитрия Петровича в члены Союза писателей России, это, похоже, дело ближайшего будущего.

Для Клестова получение этого почетного звания означает прежде всего повышение требовательности к себе. Возраст у него уже давно не юношеский, но он старается постоянно поддерживать рабочую форму, живо откликается на большие и малые события в районе, стране, мире, отливает в строки жизненный опыт, а он у него богатый. Все стихи, вошедшие в сборник «Иродов лог», написаны в течение года. Если взять самые отточенные, значимые, и то их набирается столько, что невольно поражаешься плодовитости автора.

Уже в первых книжках поэт заявил и доказал, что он тысячами нитей связан с родным краем, с природой, со своими земляками. Эта связь прослеживается почти на каждой страничке «Иродова лога». Вот, к примеру, короткий рассказ о лыжной прогулке в «хвойную стылую глубь».

Его венчает признание:
Каждый ствол для меня –
прародитель,
В каждой кроне –
дыханье родни.
Я – надломленный сук.
Помогите,
Распахните объятья свои.

Эти строки перекликаются с признанием Д. Байрона:
Я ближнего люблю,
но ты, природа-мать,
Для сердца всех милей,
дороже...

У Сергея Есенина много теплых слов сказано о корове. Вот только две строки:

На песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

В сборнике Д. Клестова о корове упоминается трижды, если не чаще, да еще как упоминается! Вот лирический герой рассказывает, как он освоил «не мужское дело», научился доить буренку. Потом принял у нее первого теленочка – «не хуже, чем женщина-ветеринар». В заключение идет четверостишие, которое не может не вызвать улыбку:

Моя молодая скотина
Лукаво глядит на бабье:
В деревне красивый
мужчина
Из стада встречает ее.

А вот короткий стихотворный памфлет о том, как на селе порой бездумно забивают общественный скот, рубят сук, на котором сидят. Поэт напоминает:

Корова эта выжить помогла
В лихие годы праведной
войны.

Автор в своем осуждении этой вопиющей бесхозяйственности доходит до сарказма:

Под нож ее!
Хватайте за рога!..
Ликуй, Барит!
Пляшите, Пестери!
Гуляй, Раздольное!
Сосновка, будь здорова!
Последняя совхозная корова
Сегодня съедена,
И черт ее дерит.

Не мог поэт не откликнуться и на то, что на Дальнем Востоке безжалостно вырубается «наш кондовый, реликтовый лес». Вырубается и отправляется «прямоком в ненасытный Китай». Это народное богатство сплавляет за границу «оборотистый Ванька». Он «сам на полном скаку переседает в бронированный «Мерседес».

Не пойдет ему это впрок:
Смажет Ваньку,
как некую тлю,
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идет санитарная рубка
В милосердном
тишайшем краю.

«Санитарная рубка» – это, конечно, тоже сарказм, горькая ирония... На самом деле это рубка браконьерская, варварская...

В сборнике немало интересных, поучительных житейских историй. Вот одна из них, самая

короткая:

Глухонемой лопатой
по хребту
Учил меня
заправскому труду.
Не помогало –
кулачищем тряс,
Бил по ушам
и метил между глаз.
Его в сердцах
я обзывал «Муму»,
А нынче благодарен я ему.

Интересен рассказ о том, как простая русская женщина приютила, отмыла бомжа. И

... когда воссияла заря,
Потянулась она на крыльечке,
Потянувшись, сказала:
«Не зря».

Несколько загадочна история о том, как «Егор-телеут» избавился от тревожившего его обмороженного пальца. Не совсем понятно, как можно было это сделать с помощью... пассатижей («по больному пальцу хрясь!»). Как он обмыл культяку, как его «други» обмывали смелый хирургический эксперимент – здесь все ясно...

Дмитрий Петрович – плотничих и столярных дел мастер. Мастерству и умению посвящено не одно стихотворение. Эта миниатюра открывает сборник. Автор рассказывает о том, как он обустроивал уголок в садах, что находится недалеко от Каменушки:

Милый сердцу уголок
В непочатом крае...
Приложил я руки,
Топорком играя.

Приложил я мысли
К деревьям замшелым,
Стали срубом чистым,
Теремочком белым.

И делов-то вроде
Так себе, в новинку,
Раскопну колодец
И к нему тропинку.

Много в сборнике стихотворений, в которых царит пушкинская и есенинская прозрачность. Но есть, увы, и такие, где содержание, суть дела изрядно затемнены.

Вот произведение, давшее название всей книжке. Здесь у любознательного читателя возникает ряд вопросов. Почему лог

Иродов, что по этому поводу говорит предание? Зачем лирический герой гранит траншеею, откуда у нее «поисковое чрево»? По какой причине сгорела деревня, расположенная недалеко от лога? Почему автор чувствует себя пришельцем, да еще и в ипостаси нелепой? Ответов, увы, нет.

Почему в другой миниатюре лирический герой проходит «скрипя зубами мимо» родного дома, не хочет «толочь воду» с «женщиной любимой»? Может, любимой она была в прошлом? Из текста этого не следует...

Редактор сборника В.П. Козлов счел своим долгом убрать из рукописи десять стихотворений, и Д. Клестов ему за это благодарен. Но ведь надо было и в тех миниатюрах, которые он благословил в печать, помочь устранить некоторые шероховатости и неточности, обратить на них внимание автора. К сожалению, он этого не сделал.

«Памфлет мясникам-администраторам»... Такой оборот речи неправомерен. «Ода Фелице» – другое дело. Панегирик такому-то – тоже верно. Но памфлет не ода и не панегирик, он может быть о ком-то, но не кому-то.

Мы знаем, что лес каждый год понемногу наступает на соседние луга и поля. Д. Клестов хорошо сказал о тайге: «она десант парашютистов высевает на лугу». Но спотыкаешься на строках: «На агрессивную тайгу гляжу с восторгом пацифиста». Дело в том, что пацифист – это человек, которому чужды война, военщина, агрессия. И здесь редактор прошел мимо неправильного употребления слова. В отличном стихотворении «Горноспасатели» неплохо было бы сделать сноску и объяснить, что такое «гезенк». Большинство читателей не знает, какую роль он играет в шахте.

Названные «проколы» не могут, конечно, испортить впечатление от сборника. Удачные строки, строфы, стихотворения явно преобладают, и, если Дмитрий Клестов когда-нибудь издаст книгу «Избранное», добрая половина произведений из «Лога» может быть в него включена с полным основанием...

Дм. ГООСЕН